УДК 327.83 DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-172-177

ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бережная Наталья Викторовна доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: rassgd@yandex.ru

Лобова Лариса Александровна младший научный сотрудник ИМИГПиГ, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69); преподаватель кафедры философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: lora.lobova2009@yandex.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает специфику процесса государствообразования через призму геополитического влияния, а также содержательное изменение сецессионных процессов, их трансформацию. Также анализируется современная геополитическая и геоэкономическая реальность, предпринимается попытка выявить и осмыслить характеристики конфликтного потенциала государствообразующих процессов Евросоюза.

Ключевые слова: *глобализация, глокализация, государствообразование, сецессия, аннексия, Европейский союз, международное право, суверенитет, мировая политика.*

Образование суверенных государств стало важнейшей составляющей политического развития как на ранних, так и на современных этапах истории человечества. В мировой политике и международном праве однозначные критерии и механизмы легитимации процесса государствообразования и его итогов не выработаны, политическая карта мира продолжает меняться не только качественно, но и количественно.

Феномен государствообразования можно свести к трем основным этапам:

После Первой мировой войны, когда образовались новые государства и политические союзы, сформировались новые зоны геополитического влияния, произошло перераспределение колоний [1, с. 241]. Вторая мировая война, по окончании которой поток сецессионных конфликтов привел к образованию многих десятков новых государств. Третья сецессионная конфликтная волна сформировалась в начале 90-х гг. XX века – вследствие распада социалистических федераций Югославии, Чехословакии и СССР – 27 стран[1]. В итоге, Хельсинская декларация, подписанная 35 государствами, закрепившая политические и территориальные итоги Второй мировой войны, а также изложенные принципы взаимоотношений между государствами – участниками, в том числе принцип нерушимости границ; территориальной целостности государств; невмешательства во внутренние дела иностранных государств, –утратила силу.

На современном этапе формы государствообразования претерпели некоторые изменения и отличаются богатым разнообразием, в том числе и внутри этих форм: аннексия, ирредентизм (политика государств, партии по объединению народа, нации, этноса в рамках одного государства-титульного, в котором этнос составляет большинство), сецессия (выход из состава государства, как правило федеративного, какой-либо его части).

Многие исследователи, анализируя тенденции аннексионных и сецессионных конфликтов (А-конфликты, С-конфликты), делают предположения о рукотворном характере данных процессов и обращают внимание на геополитические и геоэкономические притязания.

Но относительно государствообразующих процессов «А-конфликт – С-конфликт» степень рукотворности действенна и просматривается в условиях созревших геополитических противоречий.

На сегодняшний день существует реальное противоречие двух фундаментальных принципов международного права – суверенитета нерушимости границ и права наций на самоопределение. Данные разнонаправленные принципы являются основанием для ангажирования основными мировыми тяжеловесами в решении проблем самоопределения.

[1] Государства-члены ООН //Официальный сайт ООН. Режим доступа: http//www.un.org/ru/members/

Политическая история XX века показывает нам, насколько применение прав народов на самоопределение и оформление собственных национальных государств обусловлено геополитически, непосредственно зависит от констелляции глобальных сил, могущества и влияния великих держав, их политических, военно-стратегических и других интересов (Югославия и т.д.).

Инициирование связки А-конфликт – С-конфликт имеет, на наш взгляд, рукотворный характер, и действенно, прежде всего, в условиях созревших геополитических противоречий.

В настоящее время, можно говорить о назревших конфликтных состояниях, способных поднять следующую волну А-конфликтов – С-конфликтов в XXI в. Политико-экономический вулкан, через который уже состоялось три глобальных извержения, находится на границах России и Европы.

Неурегулированность сецессионистских конфликтов, являющихся в большинстве случаев ядром сецессии как политического процесса, привела к росту количества непризнанных или частично признанных государств, которые де-юре не считаются полноправными субъектами международных отношений, в том числе, Республика Южная Осетия и Республика Абхазия. Хотя ныне сецессионизм уже не является столь актуальным фактором изменения политической карты, его дестабилизирующее влияние на внутреннюю политико-экономическую ситуацию в ряде государств остается значительным.

Ныне наиболее распространенной формой государствообразующего процесса выступает сецессия. Сецессионный политический процесс определяется как политическая деятельность, связанная с взаимодействием субъектов политики и направленная на отделение от данного государственного образования, возникающая в территориально неоднородных (этнически, конфессионально, культурно, экономически) государствах. Сецессия, представляющая собой стадиальное явление, включает не только процедуры отделения, но и процессы создания нового государственного образования.

Основная цель сецессии – создание нового независимого государства (например, Фронт освобождения Джамму и Кашмира в Индии, Фронт национального освобождения Кабинды в Анголе, Фламандское Движение в Бельгии, Фронт национального освобождения Корсики во Франции, движения за независимость Шотландии в Великобритании, Организация «ЭТА» в Испании, движения за суверенитет Квебека в Канаде и другие).

Вместе с тем реалии демонстрируют нам рост непризнанных или частично признанных государств (Турецкая Республика Северного Кипра, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Косово, Сомалиленд, Республика Южная Осетия, Республика Абхазия и другие).

В одних случаях сецессионные движения приводят к острой вооружённой борьбе (например, чеченские войны), в других – конфликт решается в рамках существующей конституционной парадигмы (например, Квебек), что дает основания предположить о рукотворном характере данных процессов и обращение внимания на геополитические притязания [1, с. 242].

Сепаратистские движения в республиках бывшего СССР часто рассматривают как искусственный процесс, инициированный и поддерживаемый Россией.

Однако быстрый рост сепаратистских движений в западноевропейских странах, функционирующих на устоявшихся демократических и правовых принципах, удивил европейских политиков и экспертов. Сет Джолли отмечает, что более глубокая интеграция ЕС вызвала рост участия региональных партий в национальных выборах; региональные партии приобретают все большее значение и могут представлять потенциально значительную политическую угрозу национальным лидерам [2]. Следовательно, отношение к сепаратизму в Европе изменилось в мире в целом и в Европе, в частности, по отношению к называемым сепаратистским войнам, направленным на отделение. Тем не менее развитие сепаратизма в Объединенной Европе выглядит парадоксальным только на первый взгляд.

Сепаратистским движениям в ЕС прежде всего, способствует стремление сохранить и развить свою самобытность в соответствии со статьей 3 Договора о Европейском Союзе. Идентичность сепаратистских движений обычно основывается на общей истории, культуре, языке, религии и социальном единстве. Принимая во внимание эти особенности и споры с правительствами государств-членов, сепаратисты успешно используют коммуникационные технологии и транснациональные сети для организации политических акций. Роль идентичности с точки зрения развития сепаратистских движений отображена на примере Страны Басков и Каталонии в Испании, для которой воспоминания о репрессиях и нарушении культурных и языковых прав является важным фактором поддержания жизнеспособности сепаратистского климата. При этом следует отметить, что культурная и языковая идентичность не всегда используется сепаратистскими движениями в их кампании. Так, Шотландия отличается культурной и языковой идентичностью от остальной части Великобритании, современные шотландские сепаратисты не используют этот фактор. Кроме того, они подчеркивают, что в случае отделения от Соединенного Королевства Шотландия сохранит тесные культурные связи с Англией: английский язык останется официальным языком, а британский фунт будет официальной валютой Независимой Шотландии.

Анализируя проблему усиления сепаратистских тенденций в ЕС, необходимо определенно учитывать экономический фактор этого процесса. Более богатые регионы (Каталония, Шотландия, Падания и Фландрия) считают, что они вносят большой вклад в центральный бюджет, но не получают достаточных капиталовложений. Кроме того, более богатые регионы, как правило, недовольны своим представительством в национальном правительстве, а также недостаточным контролем над своими собственными ресурсами. Так, например, Каталония является одним из самых богатых регионов Испании, однако ее налоги собираются и распределяются испанским правительством. В результате средства, возвращаемые в Каталонию, значительно ниже, чем налоги, собираемые Мадридом. Из каждого евро, уплаченного резидентом Каталонии в качестве налога на испанский бюджет, только 57 центов возвращаются в Каталонию. Как следствие, каталонское правительство вынуждено обратиться к испанскому правительству, чтобы получить кредиты для погашения своих долгов. Чтобы справиться с каталонским долгом, испанское правительство заставляет региональную власть проводить жестокие и непопулярные действия. Показательно, что правительство Испании не прибегало к мерам, которые могли бы способствовать улучшению ситуации в Каталонии после получения помощи от самого Европейского союза.

Понятно, что такая политика Мадрида в отношении Каталонии является одной из причин, почему Каталония стремится к отделению. Экономический сепаратизм также развивается в Бельгии и Италии. Для правительства государства, которое сталкивается с региональным отделением, экономически невыгодно, если регион сам станет членом ЕС. С введением нового государства-члена возникнет необходимость перераспределения средств ЕС. С принятием в ЕС независимой Каталонии часть средств, выделенных в настоящее время Испании, логически должна была бы быть перераспределена в Каталонию. Бюджетные решения требуют одобрения Совета, учреждения, представляющего национальные интересы. Испанская оппозиция сокращению выделенных средств, вероятно, будет сильной. В соответствии с условиями Люксембургского компромисса, когда рассматриваемый Советом вопрос касается «очень важных интересов» государства-члена, это государство имеет право вето. Если бы Испания наложила вето на решение перераспределить часть своих средств в Каталонию, ЕС пришлось бы искать альтернативные способы финансирования членства в Каталонии. Это стало бы финансовым бременем для всех стран-членов ЕС [3].

По иронии судьбы, определенный импульс, если не прямой, но, по крайней мере, побочный, дается сепаратистским тенденциям со стороны Европейского союза, хотя не все исследователи согласны с этим. Некоторые исследователи утверждают, что «глобализация и европейская интеграция способствовали возрождению национализм в устоявшихся государствах – понятие, которое напрямую связано с городами-регионами» [4].

Введение региональной политики ЕС, закрепление принципа субсидиарности и создание регионального комитета способствовали дальнейшей децентрализации федеративного (Австрия, Бельгия), регионального (Испания, Великобритания) и унитарного государственного управления. Передача полномочий от центральных административных органов нижестоящим органам дает большую автономию субрегионам, что позволяет им реализовать свои собственные интересы, которые не всегда противоречат национальным интересам. С другой стороны, особенно в условиях экономического кризиса, национальные правительства не всегда способны к реализации национальных и региональных задач. Пока региональные сообщества и их элита недовольны неспособностью центральной власти обеспечить свои потребности, они начинают демонстрировать склонность к автономии или даже к приобретению независимости. В вышеупомянутых условиях общение с институтами ЕС становится более привлекательным для региональных образований, стремящихся к независимости. Однако следует упомянуть, что сепаратистские регионы не всегда положительно относятся к процессу интеграции. Сначала националисты рассматривали интеграцию как передачу суверенитета над Шотландией или Каталонией из Лондона или Мадрида в Брюссель.

Ситуация изменилась к 1980-м годам, когда шотландские и фламандские националисты становятся сторонниками европейской интеграции и «независимости в Европе». Как известно, малые государства в ЕС могут оказать большее влияние на решение европейских вопросов, а также улучшить доступ к финансовой поддержке.

Дело в том, что после создания ЕС, в котором функционирует общий рынок, государство перестает играть существенную роль. В пределах Европейского Союза малые государства могут быть такими же успешными. Это подразумевает, что, как только страна становится частью ЕС, благодаря многим экономическим выгодам, важность размера национального рынка уменьшается. Это может повысить доверие региональных партий к общенациональным выборам за счет снижения альтернативных издержек отделения. Хуг и Маркс также утверждают, что «единый европейский рынок снижает экономические штрафы, налагаемые региональными политическими движениями, – это не антитеза высокому постнациональному глобализму, а скорее существенный путь к нему» [5, с. 78].

Аналогичная оценка ситуации дается А. Пантовичем: «Противоречиво, наднациональная интеграция ЕС предполагает национальную дезинтеграцию, то есть регионы приобретают больше власти на субнациональном уровне. Субнациональные региональные субъекты ЕС приобрели более важную роль и приобрели авторитет и способность влиять на принятие решений на национальном и наднациональном уровнях. Со времени создания ЕС наблюдается рост числа транснациональных ассоциаций и бюрократии, занимающихся исключительно региональными потребностями, что приводит к увеличению бюджета и средств, выделяемых региональным правительствам. Эти фонды обеспечивают субнациональным правительствам большую самостоятельность и веру в то, что их экономический, культурный и политический рост зависит от ЕС, а не от национальных правительств. Это подразумевает, что ЕС способствует сепаратизму через прямой канал, предлагая деньги регионам». И далее: «ЕС способствует сепаратизму через прямой канал (предлагая деньги регионам) и косвенный канал (снижая альтернативную стоимость отделения)»[1].

Преимущество, используемое более крупными государствами, уменьшается из-за региональной финансовой помощи ЕС, денежно-кредитной политики, внешней политики и свободной торговли. Это указывает на то, что ЕС поощряет более мелкие региональные образования, стремящиеся к большей автономии, что приводит к росту доверия к региону и возможному росту сепаратистских требований. Европейские региональные организации используют ЕС для создания через него транснациональных сетей. Регионы, в частности сепаратистские, создают офисы внутри институтов ЕС для установления связей с должностными лицами Союза, а также с транснациональными организациями, например, с Европейским свободным альянсом, который стал политической партией с представительством в Европейском парламенте в 2004 г. Кроме того, сепаратистские региональные образования принимают участие в транснациональных политических сетях, таких как Конференция европейских регионов и городов. Кристофер К. считает, что ЕС должен рассмотреть вопрос о расширении формальных возможностей для субгосударственных регионов участвовать в разработке политики ЕС. Например, ЕС может поднять Комитет регионов до уровня ветви власти, частично с Комиссией, Советом и Парламентом. Это также может потребовать (а не просто потворствовать) участию региональных министров в формировании политики ЕС, которая затрагивает области региональной компетенции. Усиление роли регионов на наднациональном уровне будет соответствовать важной роли, которую регионы уже играют во многих государствах-членах ЕС [6, с. 102]. Однако сегодня такие предложения считаются радикальными, поэтому они вряд ли будут восприняты государствами-членами ЕС. Следует учитывать, что автоматическое предоставление членства в ЕС сепаратистским региональным структурам нарушит баланс институционального механизма ЕС. Потребуется пересмотреть представительство каждого государства-члена в институтах ЕС. (ст. 14–17 Договора о Европейском союзе), изменение порядка подсчета квалифицированного большинства голосов (ст. 16 Договора о Европейском союзе) и перераспределение бюджетных, а также структурных фондов.

Таким образом, в случае с шотландским и каталонским языками отделение приведет к созданию новых государств, не нарушая преемственность предшествующих государств. Тем не менее, уменьшившиеся британские и испанские государства столкнутся с сокращением своего представительства в органах ЕС, что потребует внесения поправок в договоры ЕС еще до того, как будет рассмотрен вопрос о членстве в новых государствах Шотландии и Каталонии. Очевидно, что такая ситуация не отвечает интересам государств-членов Евросоюза в целом. Рассмотрим еще один момент: в силу членства в ЕС и НАТО у небольших государств гораздо меньше проблем с обеспечением собственной безопасности по сравнению с более крупными государствами, не входящими в вышеупомянутые организации. В случае отделения определенной региональной структуры от государства-члена ЕС можно с уверенностью утверждать, что для удовлетворения геополитических интересов США и ЕС НАТО продолжит обеспечивать сепаратистские регионы военной защитой задолго до того, как они получат членство в Альянс.

Лиссабонский договор регулирует только ситуацию, когда государство-член желает покинуть ЕС. Лиссабонский договор ничего не говорит нам о членстве в стране, которая была создана путем отделения от государства-члена, что, безусловно, является заботой государств-членов ЕС. Однако считается, что последствия для такого региона будут вполне понятны: вновь созданное государство не будет членом ЕС ни де-факто, ни де-юре. В случае, если оно выражает желание приобрести членство в ЕС, государству придется пройти все этапы соответствующей процедуры – с точки зрения этого требования европейские институты демонстрируют достаточно четкую позицию. Сепаратисты обычно подтверждают тот факт, что их региональные структуры могут сохранить членство в ЕС сразу

[1] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. URL: http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/ALL/?uri=OJ:C:2007:306:TOC.

после переговоров об отделении. Они считают, что право на отделение основано на положениях п. 2 Договора о Европейском Союзе, в котором изложены основные демократические ценности и верховенство закона в ЕС[1]. Кроме того, в качестве аргумента высказывается следующее утверждение: принимая во внимание, что многие сепаратистские регионы имеют политическое и экономическое значение, их исключение из ЕС создаст проблемы в функционировании ЕС и развитии интеграционных процессов. Однако это ложное утверждение. Правда состоит в том, что путь к членству в ЕС будет осложнен, прежде всего, субъективными факторами и будет зависеть от того, как региональное образование «отделилось» от «материнского» государства. Следует помнить, что вступление в ЕС требует согласия всех государств-членов, поэтому приобретение членства бывшими регионами – недавно созданными независимыми государствами – может быть заблокировано старыми.

Некоторые члены ЕС, в том числе Испания, отказались признать независимость Косово, чтобы не создавать прецедент для сепаратистских региональных образований на их территориях. Накануне референдума в Шотландии Испания предупредила местных сепаратистов, что Эдинбургу потребуется не менее 8 лет для переговоров о членстве в ЕС. Наиболее оптимальный путь выхода регионального субъекта из состава «материнского» государства - цивилизованный и правовой. Легальный и цивилизованный способ отделения от Соединенного Королевства был выбран Шотландией. В 2012 году Лондон и Эдинбург достигли соглашения о проведении референдума о независимости Шотландии.

Шотландское соблюдение конституционной процедуры раскола обеспечит приемлемую позицию Лондона, что не будет резко препятствовать его пути к членству в ЕС. Однако это не означает, что намерение Шотландии вступить в Европейский Союз будет поддержано всеми государствами-членами. В первую очередь это относится к тем странам, которые содержат в своем государственном составе сепаратистские региональные образования. Это путь, по которому может пойти Бельгия в случае ее роспуска.

Бельгия, столкнувшаяся с проблемой фламандского сепаратизма, вряд ли поддержит отделение Шотландии и ее вступление в ЕС. В связи с этим можно вспомнить ситуацию с непризнанием Косово Испанией, Грецией и Кипром. Ситуация с выходом страны-члена ЕС несет еще один нюанс. В случае отделения Шотландии и Каталонии от состава Соединенного Королевства и Испании указанные регионы образуют новое государство, которое должно вступить в ЕС на общих основаниях. Несколько иная ситуация складывается с фламандским регионом. Фландрия составляет большую часть территории и населения Бельгии и контролирует львиную долю ее экономического благосостояния, и поэтому она станет наиболее очевидным кандидатом на наследование правосубъектности Бельгии.

На современном этапе интеграции институты Союза демонстрируют приверженность идее территориальной целостности государств-членов. Так, президент Комиссии ЕС Романо Проди заявил в апреле 2004 г., что новый независимый регион, благодаря своей независимости, станет третьей страной по отношению к Союзу, и договоры, со дня его независимости, больше не будут применяться на своей территории. Р. Проди также говорит, что такой новый независимый регион должен будет подать заявку, чтобы стать членом Союза, в рамках нормального процесса принятия новых членов. Ответ – это особый удар по националистическим партиям в таких регионах, как Шотландия и Уэльс, которые построили свою стратегию независимости от Вестминстера на членстве в Европейском союзе.

Относительно референдума в Каталонии, состоявшегося в октябре 2017 года, официальный представитель Европейской комиссии Маргаритис Скинас заявил, что, во-первых, ситуация в Испании является внутренним делом Испании, которое должно быть урегулировано в соответствии с испанским правопорядком, во-вторых, согласно Конституция Испании голосование было незаконным, в-третьих, если референдум был проведен в соответствии с Конституцией Испании, Каталония должна выйти из Европейского Союза, и, в-четвертых, стороны конфликта должны перейти от конфронтации к цивилизованному диалогу, чтобы разрешить конфликт[2].

Хотя отделение от государства-члена ЕС не имеет прецедента, и в руководящих договорах ЕС ничего не говорится о том, как следует обращаться с такой ситуацией, существуют как юридические, так и политические причины, по которым она может придерживаться общего требования о вступлении.

На развитие сепаратизма в определенной степени влияют процессы глобализации и региональной интеграции, которые могут играть как интегративную, так и разрушительную роль. Глобализация и интеграция способствуют более тесному взаимодействию государств и субъектов вне государства, их объединению в транснациональные и глобальные сети, которые построены на различных

[1] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. URL: http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/ALL/?uri=OJ:C:2007:306:TOC.
[2] Evropa ne priznala nezavisimuju Kataloniju. URL: https://www.gazeta.ru/politics/ 2017/10/02_a_10914218.shtml [in Russian]

каналах взаимозависимости (торговля, политика, безопасность, окружающая среда и социокультурные связи и т. д.). Многоуровневое управление в ЕС обеспечило меньшую национальную экономическую зависимость и большую политическую свободу региональным образованиям, что потенциально повлияло на доверие к независимым регионам. С другой стороны, глобализация может способствовать фрагментации сложившихся политических и социальных порядков, что позволяет региональным и транснациональным движениям ставить задачи, реализация которых несет угрозу суверенитету и территориальному единству государств. Страны больше не имеют монополии на посредничество в отношениях своих регионов с мировым рынком и международными режимами. Повышение же мобильности капитала и рост транснациональных корпораций подорвали способность государств полностью контролировать свою собственную экономику пространства. И сецессионные процессы в условиях развития глобализации получают дополнительные шансы на успех.

Литература

1. *Швец Л.Г., Старостин А.М.* Аннексионные и сецессионные конфликты как угрозы национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 24–243.
2. *Pantovic, A.* (2014). The Economic Impact of the European Union on Subnational Separatist Sentiment. University of Colorado Boulder Undergraduate Honours Thesis, 1–55
3. *Lindsay Murphy.* (2007). EU Membership and an Independent Basque State, 19 Pace Int'l L. Rev., 321–347. URL: http://digitalcommons.pace.edu/pilr/vol19/iss2/7
4. *Keating, M.* (2001). Pluri-national Democracy. Stateless Nations in a Post-sovereignty Era. Oxford: Oxford University Press.
5. *Khanna, P.* (2016). Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicholson.
6. *Christopher K. Connolly.* (2013). Independence in Europe: Secession, Sovereignty, and the European Union, 24. Duke Journal of Comparative & International Law, 51–105. URL: https:// scholarship.law.duke.edu/djcil/vol24/iss1/2

Berezhnaya Natalia Viktorovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: rassgd@yandex.ru

Lobova Larisa Aleksandrovna, Junior Researcher of Institute for Interdisciplinary Research on Global Processes and Glocalization, Rostov State University of Economics (RINH) (69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002); Lecturer, Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: lora.lobova2009@yandex.ru

STATE-FORMING PROCESSES IN THE EUROPEAN UNION: GEO-ECONOMIC ASPECT

Abstract

In the article, the author considers the specifics of the process of state formation through the prism of geopolitical influence, as well as a meaningful change in secession processes, their transformation. Also analyzing contemporary geopolitical and geo-economic reality, an attempt is made to identify and comprehend the characteristics of the conflict potential of state-forming processes of the European Union.

Keywords: *globalization, glocalization, state formation, secession, annexation, European Union, international law, sovereignty, world politics.*

References

1. SHvec L.G., Starostin A.M. Anneksionnye i secessionnye konflikty kak ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2015. № 3. S. 24–243.
2. Pantovic, A. (2014). The Economic Impact of the European Union on Subnational Separatist Sentiment. University of Colorado Boulder Undergraduate Honours Thesis, 1–55
3. Lindsay Murphy. (2007). EU Membership and an Independent Basque State, 19 Pace Int'l L. Rev., 321–347. URL: http://digitalcommons.pace.edu/pilr/vol19/iss2/7
4. Keating, M. (2001). Pluri-national Democracy. Stateless Nations in a Post-sovereignty Era. Oxford: Oxford University Press.
5. Khanna, P. (2016). Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicholson.
6. Christopher K. Connolly. (2013). Independence in Europe: Secession, Sovereignty, and the European Union, 24. Duke Journal of Comparative & International Law, 51–105. URL: https:// scholarship.law.duke.edu/djcil/vol24/iss1/2